

Райнер
Цительманн

КАПИТАЛИЗМ НЕ ПРОБЛЕМА, А РЕШЕНИЕ

Путешествие
по новейшей
истории пяти
континентов

Райнер Цительманн

Капитализм не проблема, а решение. Путешествие по новейшей истории ПЯТИ КОНТИНЕНТОВ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69810265

*Капитализм не проблема, а решение. Путешествие по новейшей истории пяти континентов: Социум; Москва; Челябинск; 2020
ISBN 978-5-91603-740-1*

Аннотация

Часто по разным поводам мы слышим стереотипную фразу: «Рынок потерпел неудачу, нам нужно больше государственного вмешательства».

Историк и социолог Райнер Цительманн отправляется в путешествие по континентам и истории и обнаруживает обратное: в странах, где государство теряет влияние и люди больше доверяют рынку, процветание растет, а бедность уменьшается.

Он находит доказательства своего тезиса в Африке, Азии, Европе, Северной и Южной Америке, сравнивая развитие событий в Западной и Восточной Германии, Северной и Южной Корее, капиталистическом Чили и социалистической Венесуэле, а также анализирует необычайный экономический подъем Китая.

За последние 250 лет капитализм раз за разом решал огромные проблемы, досаждавшие людям на протяжении всей истории человечества.

Самая большая опасность для нашего процветания заключается в том, что этот урок забыт. Очень актуальная книга в наше время, когда государство все чаще вмешивается в жизнь людей и компаний плановыми экономическими методами.

В главе 10 автор предлагает свой вариант ответа на чрезвычайно важный вопрос: почему интеллектуалы не любят капитализм?

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение: полевые эксперименты в человеческой истории	7
1. Китай: от голода к экономическому чуду	27
Великий голод	29
Путь Китая к капитализму	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Райнер Цительманн
Капитализм не проблема,
а решение. Путешествие
по новейшей истории
ПЯТИ КОНТИНЕНТОВ

Rainer ZITELMANN

CAPITALISM IS NOT THE PROBLEM, BUT THE
SOLUTION

A JOURNEY THROUGH RECENT HISTORY ACROSS
FIVE CONTINENTS

First published in German Language as: Kapitalismus ist nicht das Problem sondern die Lösung: Eine Zeitreise durch 5 Kontinente, 2018 by Finanzbuch Verlag, Munich, Germany /

All rights reserved. www.finanzbuchverlag.de

Translated into English as: Capitalism is not the problem, but the solution – A Journey through Recent History across Five Continents, 2nd updated Edition 2022 by Rainer Zitelmann, Berlin, Germany / All Rights Reserved.

© 2022 Rainer Zitelmann / All Rights Reserved.

Translated into Russian Language by arrangements with of Maria Pinto-Peuckmann, Literary Agency, World Copyright

Promotion, Kaufering, Germany.

© 2022 Rainer Zitelmann / All Rights Reserved

© Куряев А. В., перевод, 2023

Введение: полевые эксперименты в человеческой истории

Для многих людей крах одного социалистического режима за другим в конце 1980-х годов прочно утвердил рыночный капитализм в качестве более совершенной системы. Тем не менее антикапиталистический ресентимент¹ – иногда скрытый, иногда выраженный открыто – не только все еще сохраняется в некоторых кругах, но и приобрел значительную силу после финансового кризиса 2008 г. Разработчики социально-экономической политики, комментаторы СМИ и интеллектуалы почти единодушно интерпретируют кризис как провал рынка, или капиталистической системы, который можно преодолеть только за счет большего вмешательства государства.

Эта книга была написана как ответ на эти взгляды и продиктована беспокойством о том, что мы вот-вот откажемся от основ, на которых зиждется наше экономическое процветание. Первое издание вышло в Германии в 2018 г. под названием «Капитализм – это не проблема, а решение», а затем последовали издания на английском, корейском, ита-

¹ Ресентимент – чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врагом»), бессильная зависть, «тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе». – *Прим. перев.*

льянском, испанском и португальском языках. Издание, которое вы сейчас читаете, является версией, обновленной в марте 2022 г.

Для многих людей «капитализм» – это ругательство. Хотя эти негативные коннотации возникли задолго до финансового кризиса, сторонники подлинно свободного рынка все чаще сталкиваются с обвинениями в «рыночном радикализме».

Современная экономика может быть организована на основе одного из двух базовых принципов. В первом варианте отсутствует частная собственность на землю и средства производства и все активы принадлежат государству. Что и в каком количестве производить, решают государственные органы, отвечающие за экономическое планирование. Во втором сценарии право частной собственности гарантировано и предприниматели действуют в рамках правового поля, производя продукцию, которая, по их мнению, нужна потребителям. Цены, которые они могут выручить за свою продукцию, служат мерилем того, насколько верными были их предположения, или, иными словами, насколько предложение продукции соответствовало спросу потребителей на эту продукцию. Первое определение описывает социалистическую систему, второе – капиталистическую. На протяжении всей этой книги последний термин будет использоваться для обозначения подлинно свободной рыночной экономики, а не ее невнятной версии, иногда определяемой как «социаль-

ная» или «экосоциальная» рыночная экономика.

В действительности ни одна из этих двух систем не существует сегодня и никогда не существовала в чистом виде. Даже в таких социалистических странах, как Германская Демократическая Республика (ГДР) или даже Северная Корея, некоторые люди владели или владеют частной собственностью, а всеобъемлющий экономический план никогда полностью не подавлял все элементы свободного рынка. Без этих элементов экономика рассматриваемых стран работала бы еще хуже. Хотя в социалистической экономике цены номинально существуют, функция, которую они выполняют, радикально отличается от их функции в капиталистической экономике. По сути, они больше похожи на налоги, как отметил экономист Чжан Вэйинг².

В свою очередь, в капиталистической экономике существует определенная степень государственной собственности и регулирующего вмешательства, а налоги во многом представляют собой систему перераспределения, которая отнимает у богатых и отдает среднему классу и бедным. Экстремальным примером такого перераспределения может служить Швеция 1970-х годов, а Великобритания того же периода дает отрезвляющий пример негативных экономических последствий избыточного государственного вмешательства в экономику и показывает, что ограничение такого

² Zhang Weiyang, *The Logic of the Market: An Insider's View of Chinese Economic Reform* (Washington, DC: Cato Institute, 2015), 12.

вмешательства имеет ключевое значение для роста благосостояния.

Ни в одной из стран, представленных в этой книге, не действует «чистая» форма капитализма. В каждом случае важным вопросом является пропорция, или баланс, между регулирующим вмешательством и свободой предпринимательства. Главный аргумент, предлагаемый в этой книге, заключается в том, что увеличение доли капиталистических элементов в данной экономике, как правило, приводит к ускорению экономического роста, что увеличивает благосостояние большинства людей, живущих в этой экономике. Ярким примером этого служит развитие Китая на протяжении последних десятилетий.

Авторы многих книг пытаются доказать, что одна из двух экономических систем превосходит другую. Мы решили пойти другим путем. Вместо того чтобы рассматривать предмет с теоретической точки зрения, эта книга опирается на экономическую историю. В отличие от социализма капитализм не является системой, изобретенной интеллектуалами. Он органично эволюционировал на протяжении веков, точно так же, как растения и животные эволюционировали в природе и продолжают развиваться, не нуждаясь в централизованном планировании или теоретизировании. Среди наиболее важных открытий экономиста и философа Фридриха Хайека – понимание того, что истоки хорошо функционирующих институтов следует искать «не в чем-то плане или

замысле, а в выживании преуспевающих»³, причем процесс отбора происходит «путем подражания успешным институтам и привычкам»⁴.

Самая большая ошибка, объединяющая разного рода социалистов с руководителями центральных банков, заключается в убеждении, что несколько назначенных мастеров планирования способны определить, что нужно людям, лучше, чем миллионы предпринимателей, инвесторов и потребителей, чьи индивидуальные решения в совокупности на самом деле намного превосходят решения любого государственного планового ведомства, центрального банка или другого органа государственного регулирования.

Именно поэтому попытки навязать рыночную экономику «сверху вниз» остаются в основном безуспешными, хотя, для того чтобы капиталистические системы работали, некоторые политические стимулы, конечно, необходимы. Более пристальный взгляд на Китай покажет, что успешный переход этой страны к капитализму во многом был обусловлен формированием капиталистических экономических практик «снизу вверх» и их широким распространением, – ничего из этого не было бы возможно без терпимости к таким практикам «наверху», со стороны политических лидеров, та-

³ Friedrich August von Hayek, *The Constitution of Liberty: The Definitive Edition* (Chicago: University of Chicago Press, 2011), 111 <Хайек Ф. А. фон. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. С. 81>.

⁴ *Ibid.*, 117 <Там же. С. 85>.

ких как Дэн Сяопин. Дэн и его коллеги-реформаторы были достаточно умны, чтобы не изобретать новую систему, основанную на идеалах. Они сделали две вещи: во-первых, вместо того чтобы пытаться запретить или обуздать стихийное развитие событий по всей огромной стране, они позволили им развиваться органично. Во-вторых, они внимательно изучили опыт множества других страны, чтобы понять, что работает, а что нет, а затем внедрили эти знания у себя дома.

В этой книге я использую аналогичный подход: рассматриваю, что сработало, а что нет. Я сравниваю страны, которые напрашиваются на сравнение, потому что у них много общего в истории и культуре: Северная и Южная Кореи, ГДР и ФРГ, Венесуэла и Чили. В книге также показано, как развитие капитализма и отступление социализма превратило Китай из грязной бедной страны, где менее 60 лет назад десятки миллионов людей умирали от голода, в крупнейшую в мире страну-экспортера, где голод был искоренен.

В то время как левые критики капитализма и глобализации обвиняют капитализм в том, что он является причиной голода и бедности в разных уголках мира, новейшая история Африканского континента дает множество примеров, доказывающих обратное: капитализм – это не проблема, а решение. Капитализм оказался более эффективным средством борьбы с бедностью, чем международная финансовая помощь. Исследования показывают, что в развивающихся странах, более ориентированных на рынок, уровень бедно-

сти составляет всего 10 % по сравнению с 33 % в развивающихся странах без свободного рынка⁵.

В целом большее вмешательство государства в экономику означает более низкие, в некоторых случаях даже отрицательные темпы роста, в то время как недавняя экономическая история США и Великобритании предоставляет убедительные доказательства того, что более капиталистическое развитие ведет к более быстрому росту благосостояния для большинства людей. В 1980-х годах Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер – два политических лидера, твердо верившие в преимущества свободного рынка, – провели реформы, которые уменьшили влияние государства на экономику и значительно улучшили экономические перспективы в обеих странах. Как показывает пример Швеции, рассмотренный в главе 7, государственные программы социального обеспечения иногда могут подавлять экономический рост и должны быть сокращены.

За последние 70 лет эти эксперименты в реальном мире неизменно приводили к схожим результатам – огромный объем данных указывает на то, что больше капитализма означает большее процветание. Тем не менее во многих кругах сохраняется удивительное нежелание или неспособность извлечь уроки из этих результатов. В своих «Лекциях по философии истории» немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель сказал: «Но опыт и история учат, что

⁵ Index of Economic Freedom 2022, p. 24.

народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее»⁶.

Даже если этот вердикт выглядит слишком суровым, кажется, что большинство людей не способны абстрагироваться и делать общие выводы из (некоторого) исторического опыта. Несмотря на многочисленные примеры того, что более капиталистическая экономическая политика ведет к большему процветанию (одни из них обсуждаются в этой книге, а другие, такие как Индия, Вьетнам и Польша, – нет), и несмотря на провал всех вариантов социализма, которые когда-либо испытывались в реальных условиях, многие люди по-прежнему отказываются усвоить очевидный урок.

После краха большинства социалистических систем в начале 1990-х годов попытки реализовать социалистические идеалы все еще предпринимаются в различных частях мира в тщетной надежде, что «на этот раз» результат будет другим, – совсем недавно в Венесуэле. Подобно тому как интеллектуалы западного мира были очарованы предыдущими социалистическими экспериментами, многие из них были очарованы попыткой Уго Чавеса перенести социализм в XXI век⁷. Как и в случае с предыдущими крупномасштабны-

⁶ Georg Wilhelm Friedrich Hegel, *Lectures on the Philosophy of History* (London: George Bell and Sons, 1902), 19 <Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. С. 61>.

⁷ Примеры восхваления Чавеса ведущими интеллектуалами см. в: Hollander, Paul. *From Benito Mussolini to Hugo Chavez: Intellectuals and a Century of Political*

ми социалистическими экспериментами, последствия оказались катастрофическими, как показано в главе 6.

Даже в США сегодня многие молодые люди цепляются за «социалистическую» мечту – хотя система, которую они имеют в виду, является идеализированной и ошибочной версией социализма скандинавского типа, а не коммунизма советского периода. Однако в этой книге показано, что и этот вариант был основательно дискредитирован всеобъемлющим провалом в 1970–80-х годах (глава 7).

Я не слишком обеспокоен тем, что в ближайшее время в промышленно развитых странах Запада начнется широкомасштабная национализация активов и предприятий. Скорее, меня беспокоит гораздо большая и более непосредственная опасность постепенного свертывания капитализма, сопровождающегося увеличением полномочий государства по планированию и перераспределению. Центральные банки уже действуют так, как будто они являются органами планирования; изначально созданные для обеспечения стабильности денежной стоимости, сегодня они считают, что их задача – нейтрализовывать рыночные силы. Де-факто отменив рыночные процентные ставки, Европейский центральный банк частично деактивировал механизм образования цен, который является неотъемлемой чертой любой функционирующей рыночной экономики. Вместо того чтобы сдерживать чрезмерный государственный долг, это лишь усугубило про-

блему.

Экономист Томас Майер предупреждает: «Политика сохранения низких процентных ставок в течение длительного времени будет все сильнее искажать цены на активы и усиливать опасность очередного экономического краха с последующим финансовым кризисом, как только от этой политики откажутся»⁸. Не нужно обладать хрустальным шаром, чтобы предсказать, что в этих кризисах будет виноват «капитализм», хотя на самом деле они являются результатом нарушения капиталистических принципов. Неверный диагноз неизбежно приводит к назначению ошибочного лечения – в данном случае еще большего вмешательства государства в еще более ослабленный рынок.

Когда-то социалисты просто национализировали коммерческие предприятия. Сегодня элементы плановой экономики внедряются другими способами – все большим вмешательством государства в процессы принятия коммерческих решений и целым рядом налоговых и регулирующих мер, субсидий и юридических ограничений, стесняющих свободу предпринимателей. Такими методами в плановую экономику постепенно превращается энергетический рынок Германии.

Это возможно только потому, что многие просто не знают – или забыли, – что наш нынешний уровень процветания зи-

⁸ Thomas Mayer, *Die neue Ordnung des Geldes: Warum wir eine Geldreform brauchen*, 3rd edition. Munich: FinanzBuch Verlag, 2015, 228.

ждется на фундаменте свободного рынка. Особенно это касается поколения миллениалов, чей опыт социалистических режимов в СССР и других странах Восточного блока, если он вообще есть, почерпнут исключительно из учебников истории. «Капитализм» и «свободный рынок» стали ругательствами.

Опросы, проведенные известной британской службой социологических исследований Ipsos MORI в 2021–2022 гг. в 21 стране Европы, США, Латинской Америки и Азии, показали, что только в четырех странах (Польша, США, Южная Корея, Япония) число людей, ассоциирующих капитализм с положительными понятиями, превышает число тех, кто ассоциирует его с отрицательными. В Швеции и Бразилии число сторонников и противников капитализма уравниваются друг друга, в то время как в Швейцарии, Чили, Италии, Великобритании, Германии, Австрии, Испании, Франции и России преобладают противники капитализма⁹.

Что же именно беспокоит людей в капитализме? Если посмотреть на общие выводы опроса, то это – в таком порядке – прежде всего мнение о том, что:

- в капитализме доминируют богатые, они определяют политическую повестку дня;
- капитализм ведет к росту неравенства;

⁹ Подробнее о результатах этого социологического исследования рассказывает в другой книге Райнера Цительманна – «В защиту капитализма: развенчание популярных мифов» (М.; Челябинск: Социум, 2022). В главе 12 анализируется отношение к капитализму в России, в главе 13 – в мире.

- капитализм поощряет эгоизм и жадность;
- капитализм ведет к монополиям;
- капитализм побуждает людей покупать ненужные им товары¹⁰.

По мере того как крах социалистических систем постепенно стирается из памяти, многие в западном мире, похоже, перестают осознавать преимущества свободного рынка. Особенно это касается молодых людей, которые практически ничего не знают об экономических и политических условиях жизни в социалистических странах и не извлекли уроков из истории социализма.

Эта книга посвящена одному вопросу: какая экономическая система обеспечивает наилучшее качество жизни для большинства людей? Качество жизни определяется прежде всего, хотя и не исключительно, уровнем экономического благосостояния людей, а также уровнем их политической свободы. Хотя история дает много примеров того, как демократия и капитализм идут рука об руку, есть и случаи авторитарных режимов с капиталистической экономикой: к моменту принятия капитализма Южная Корея еще не была демократическим государством, как и Чили. При всех своих экономических успехах в качестве капиталистической экономики, Китай все еще управляется авторитарным режимом. Любые сравнения, проводимые между странами в этой книге, основаны только на критериях их экономических си-

¹⁰ Allensbach Institute survey 12038, Ipsos MORI survey 20-091774-30.

стем и экономических показателей. Это не означает, что политическая свобода менее важный аспект качества жизни – однако этот вопрос выходит за рамки настоящей книги и заслуживает отдельного исследования.

Как бы я ни был не согласен с предпосылками и аргументами, изложенными в книге Тома Пикетти «Капитал в XXI веке», во многом я разделяю его критику многих современных исследований в области экономики, которые демонстрируют «детское пристрастие к математике и чисто теоретические и зачастую очень идеологические рассуждения, которые препятствуют историческим исследованиям и сближению экономики с другими социальными науками»¹¹. Вместо этого Пикетти выступает за «прагматический подход», который использует «методы историков, социологов и политологов в той же мере, в какой используются методы экономистов», и называет свою книгу «и исторической, и экономической»¹². Я сам получил первое высшее образование по истории и политологии и в дальнейшем защитил две докторские диссертации – по истории и социологии. Так что мой подход в этой книге – подход историка.

Основная претензия Пикетти заключается в том, что экономическая теория и социальные науки больше не уделяют

¹¹ Thomas Piketty, *Capital in the Twenty-First Century* (Boston: Harvard University Press, 2014), 41 <Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем пресс, 2015. С. 50>.

¹² *Ibid.*, 42 <Там же. С. 50, 51>.

внимания «вопросу распределения»: «Давно пора вновь сделать проблему неравенства центральной в экономическом анализе...»¹³. Другие авторы опубликовали всестороннюю критику набора данных и методологических ошибок Пикетти¹⁴, заставив его отказаться от некоторых основных положений своей книги¹⁵. Моя цель здесь – лишь указать на то, что я задаю совершенно другой вопрос, вопрос, который, на мой взгляд, для большинства людей имеет гораздо большее значение, чем озабоченность Пикетти «неравенством богатства». Вопрос о том, повышает или понижает капитализм общий уровень жизни, представляется мне гораздо более важным, чем любое предполагаемое увеличение неравенства богатства.

Пикетти сетует на увеличение разрыва между бедными и богатыми с точки зрения доходов и богатства в период с 1990 по 2010 г. Однако за тот же период в результате экспансии капитализма сотни миллионов людей – преимущественно в Китае, а также в Индии и других частях света – вырвались из крайней нищеты.

Что важнее для этих сотен миллионов людей: то, что они

¹³ Ibid., 20 <Там же. С. 34>.

¹⁴ Подробности см. в: Jean-Philippe Delsol, Nicholas Lecaussin and Emmanuel Martin, eds., *AntiPiketty: Capital for the 21st Century* (Washington, DC: Cato Institute, 2017).

¹⁵ См.: Tom G. Palmer, “Foreword,” in *Anti-Piketty: Capital for the 21st Century*, edited by Jean-Philippe Delsol, Nicholas Lecaussin and Emmanuel Martin (Washington, DC: Cato Institute, 2017), xv.

больше не голодают, или то, что богатство мультимиллионеров и миллиардеров, возможно, выросло в еще большей степени, чем их собственный уровень жизни? Как будет показано в первой главе этой книги, рост числа миллионеров и миллиардеров в Китае за последние десятилетия и массовое повышение уровня жизни сотен миллионов людей – это две стороны одной медали. И то и другое можно напрямую возвести к одному и тому же процессу – к переходу от социализма к капитализму, от плановой экономики к рыночной.

Вне всякого сомнения, капиталистическая глобализация привела к сокращению бедности во всем мире. Вопрос о том, привел ли рост благосостояния в ранее слаборазвитых странах к снижению благосостояния среди слоев населения с низкими доходами в промышленно развитых странах Запада, т. е. в Европе и США, пока остается более спорным. В связи с ним позвольте отметить два момента. Во-первых: если это утверждение верно, поскольку люди с низким уровнем дохода теперь напрямую конкурируют с рабочими в развивающихся странах, то отсюда следует, что антикапиталистическое, антиглобализационное движение на Западе – вопреки их самопровозглашенной роли защитников прав бедных в странах Африки, Азии и Латинской Америки – в первую очередь поддерживает привилегированный статус-кво европейцев и американцев. Во-вторых, гипотеза о том, что глобализация привела к обнищанию широких слоев населения в Европе и США, сама по себе спорна. Прове-

денное в 2011 г. исследование Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показало снижение реальных доходов 10 % беднейшего населения с 1980-х годов только в двух странах – Японии и Израиле¹⁶.

Во многих случаях сообщения СМИ о тревожном росте бедности в развитых странах Запада основаны на исследованиях, которые определяют и измеряют бедность в относительных величинах. Например, в официальных отчетах о бедности и процветании, опубликованных правительством Германии, используется определение бедности, которое включает в себя любого, кто зарабатывает менее 60 % от медианного дохода. Простой мысленный эксперимент показывает, что это определение в лучшем случае сомнительно: предположим, что доход увеличился в десять раз при неизменной ценности денег. Те, кто раньше относился к низшему разряду налогооблагаемой базы, получая 1000 евро в месяц, теперь получают 10 000 евро. Все их денежные заботы остаются в прошлом. Жизнь стала прекрасной для всех. Тем не менее при применении «формулы 60 %» число людей, живущих ниже официальной черты бедности, остается прежним.

Для критиков капитализма, подобных Пикетти, экономика – это игра с нулевой суммой, в которой выигрывают бога-

¹⁶ Kristian Niemitz, “Der Mythos vom Globalisierungsverlierer: Armut im Westen,” in *Das Ende der Armut: Chancen einer globalen Marktwirtschaft*, edited by Christian Hoffmann and Pierre Bessard (Zürich: Liberales Institut Zürich, 2012), 152.

тые, а проигрывают средний класс и бедные¹⁷. Однако рынок работает не так. Критики капитализма всегда смотрят на то, как делится пирог; в этой книге я рассматриваю условия, которые заставляют пирог расти или уменьшаться в размерах.

Вот еще один мысленный эксперимент: какой из следующих результатов вы предпочтете? Предположим, что вы живете на острове, где три богатых человека имеют состояние по 5000 долл., а 1000 других – по 100 долл. Общее состояние жителей острова составляет 115 000 долл. Теперь вы должны выбрать между двумя вариантами. В одном случае в результате экономического роста общее богатство жителей острова удваивается до 230 000 долл. Богатство трех богатых людей увеличивается втрое – до 15 000 долл. у каждого; теперь они владеют 45 000 долл. А богатство оставшихся 1000 жителей острова увеличивается на 85 % и достигает 185 долл. на душу населения. Разрыв в неравенстве между самыми богатыми и самыми бедными жителями значительно увеличился.

В другом сценарии возьмем общее богатство в 115 000 долл. и разделим его поровну между всеми 1003 жителями – 114,66 долл. на душу населения. Будучи одним из бедняков с базовым уровнем благосостояния в 100 долл., какое из двух обществ вы бы предпочли – экономический рост или равное распределение? А что произойдет, если в результате

¹⁷ См.: Jean-Philippe Delsol, “The Great Process of Equalization of Conditions,” in *Anti-Piketty: Capital for the 21st Century*, edited by Jean-Philippe Delsol, Nicholas Lecaussin and Emmanuel Martin (Washington, DC: Cato Institute, 2017), 8–9.

экономических реформ, направленных на достижение большего равенства, общее богатство острова сократится до жалких 80 000 долл., или менее 79,80 долл. на душу населения?

Конечно, вы можете возразить, что лучшим результатом был бы экономический рост и повышение общего уровня жизни в сочетании с большим равенством. Именно этого и добился капитализм в XX веке, что признает даже Пикетти. Приведенный выше мысленный эксперимент полезен как способ продемонстрировать фундаментальное различие между двумя конкурирующими системами ценностей. Тот, для кого борьба с неравенством важнее повышения уровня жизни большинства, сделает иной выбор, чем тот, кто считает наоборот.

Если вас в первую очередь интересует равенство, эта книга не для вас. Если же вам важно определить условия, при которых большинство людей живет лучше, – т. е. если вы считаете, что имеет значение, богато или бедно общество в целом, – пожалуйста, присоединяйтесь ко мне в моем путешествии во времени по пяти континентам в поисках ответов. Карл Маркс был прав, утверждая, что средства производства (технология, оборудование, организация производственного процесса и т. д.) и условия производства (экономическая система) не просто неразрывно связаны, но и взаимно зависят друг от друга¹⁸. Однако, вопреки утверждению

¹⁸ Karl Marx, *A Contribution to the Critique of Political Economy*, translated by S. W. Ryazanskaya (Moscow: Progress Publishers, 1959), 15 <Маркс К. К критике

Маркса, решающим моментом является не то, что развитие средств производства предшествует изменениям в условиях производства. Гораздо важнее то, что изменения в условиях производства иногда могут вызвать развитие средств производства.

Капитализм является основной причиной глобального повышения уровня жизни в масштабах, невиданных в истории человечества до появления рыночной экономики. Человечеству потребовалось 99,4 % его 2,5-миллионлетней истории, чтобы около 15 000 лет назад ВВП на душу населения составил 90 международных долларов (международный доллар – это расчетная единица, основанная на уровне покупательной способности в 1990 г.). Потребовалось еще 0,59 % человеческой истории, чтобы удвоить мировой ВВП до 180 международных долларов в 1750 г. Между 1750 и 2000 гг. – за период, составляющий менее 0,01 % от общей продолжительности человеческой истории, – мировой ВВП на душу населения вырос в 37 раз и достиг 6600 международных долларов. Другими словами, за эти 250 лет было произведено 97 % всего богатства, созданного за всю историю человечества¹⁹. За тот же короткий период средняя ожидаемая продолжительность жизни в мире увеличилась почти в три раза (в 1820 г. она составляла всего 26 лет). Все это произошло не

политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 13. С. 6–7>.

¹⁹ По расчетам экономиста Калифорнийского университета Брэдфорда Делонга, цит. по: Zhang, *The Logic of the Market*, 24–25.

из-за внезапного роста человеческого интеллекта или промышленности – это произошло потому, что новая экономическая система, возникшая в западных странах около 200 лет назад, оказалась лучше любой другой до или после этого: капитализм. Именно эта система, основанная на частной собственности, предпринимательстве, справедливом ценообразовании и конкуренции, сделала возможным беспрецедентный экономический и технологический прогресс последних 250 лет – система, которая, несмотря на все свои успехи, все еще молода и уязвима.

1. Китай: от голода к экономическому чуду

На протяжении тысячелетий Китай страдал от повторяющихся периодов голода. Не далее как в 1981 г. до 88 % населения Китая жили в крайней нищете, а сегодня этот показатель составляет менее 1 %. Никогда в истории мира сотни миллионов людей не поднимались из крайней нищеты в средний класс за столь короткое время.

Еще в конце XIX – начале XX века в Китае от голода умерло 100 млн человек. Если в то время причинами голода были стихийные бедствия, то события второй половины XX века были рукотворным, политически инспирированным кризисом. После прихода к власти в 1949 г. Мао Цзэдун хотел превратить Китай в яркий пример социализма. В конце 1957 г. он провозгласил «Большой скачок» как кратчайший путь к предполагаемому раю для рабочих. По словам Мао, Китай сможет обогнать Великобританию в течение 15 лет, тем самым раз и навсегда доказав превосходство социализма над капитализмом. Через официальную газету Коммунистической партии население было проинформировано о плане «обогнать все капиталистические страны за довольно короткое время и стать одной из богатейших, передовых

и могущественных стран мира»²⁰.

²⁰ Цит. по: Jung Chang and Jon Halliday, *Мао: The Unknown Story* (London: Jonathan Cape, 2005), 519.

Великий голод

Самый амбициозный социалистический эксперимент в истории начался с того, что десятки миллионов крестьян по всей стране были вынуждены работать на масштабных ирригационных проектах без достаточного питания и отдыха. Вскоре на земляных работах в рамках крупномасштабных проектов по строительству плотин и каналов был занят каждый шестой китаец²¹. Изъятие огромной части сельскохозяйственной рабочей силы стало одной из нескольких причин голода, который начал распространяться по всему Китаю. Партийные чиновники были беспощадны в своих усилиях добиться результатов: крестьян связывали за кражу овощей или убивали ножом за недостаточно усердную работу. Непокорных крестьян отправляли в трудовые лагеря. Вооруженные кнутахми военные патрули ходили по деревням, чтобы убедиться, что все работают с максимальной самоотдачей²².

В то время сельское хозяйство было основным источником дохода в Китае, и крестьяне составляли большинство населения страны. Во время «Большого скачка» частная собственность была полностью отменена, и крестьяне вынужденно переселялись из своих домов в бараки, похожие на

²¹ Frank Dikötter, *Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958 – 62* (London: Bloomsbury, 2010), 27.

²² *Ibid.*, 32.

фабрики, где жили порой вместе с 20 000 своих товарищей по несчастью. По всему Китаю насчитывалось 24 000 таких колхозов, или «народных коммун», со средним числом членов 8000 человек.

Мао сам отредактировал – и оценил как «великое сокровище» – устав первой коммуны в Хэнани, обязывавший все 9369 семей «полностью передать свои частные участки... дома, животных и деревья» и жить в общежитиях «в соответствии с принципами выгодного производства и контроля». Дома должны были быть «разобраны... если коммуне нужны кирпичи, черепица или древесина»²³.

Мао дошел до того, что рассматривал возможность «заменить имена людей номерами». В Хэнани и других образцовых районах «крестьяне работали в поле в одежде с номером, пришитым на спине... Крестьянам не только запрещалось есть дома, их котелки и печи разбивались». Вместо этого их кормили в столовых, которые «иногда находились в нескольких часах ходьбы от мест, где люди жили или работали», заставляя их «переезжать на место расположения столовой», где они «жили как животные, втиснутые в любое доступное пространство, без уединения и семейной жизни»²⁴. Каждое утро рабочие бригады маршировали на поля производственных сражений под красными флагами и с мотивационными лозунгами, звучащими из динамиков.

²³ Цит. по: Chang and Halliday, Mao, 529.

²⁴ Ibid., 529–530.

Результатом этого эксперимента стал, вероятно, самый страшный голод – и уж точно самый страшный рукотворный голод – в истории человечества. Основываясь на официальных данных, китайский демограф Цао Шуцзи подсчитал, что в период между 1958 и 1962 гг. в Китае от голода умерло около 32,5 млн человек. По его подсчетам, сильнее всего пострадала провинция Аньхой, где погибло более 6 млн человек, или более 18 % населения, за ней следует Сычуань, где погибло 13 % населения (9,4 млн человек)²⁵.

Основываясь на анализе, проведенном китайскими органами государственной безопасности, и обширных секретных отчетах, подготовленных партийными комитетами в последние месяцы «Большого скачка», немецкий историк Франк Дикёттер приходит к значительно более высокой оценке: с 1958 по 1962 г. по всему Китаю избыточная смертность составила около 45 млн человек. Большинство из них умерли от голода, а 2,5 млн были замучены или избиты до смерти²⁶. «Другие жертвы были намеренно лишены пищи и умерли от голода... Людей убивали выборочно – потому что они были богаты, потому что медленно двигались, потому что высказывали свое мнение или просто потому, что по каким-то причинам не нравились человеку, который держал половник

²⁵ Felix Wemheuer, *Der große Hunger: Hungersnöte unter Stalin und Mao* (Berlin: Rotbuch Verlag, 2012), 194–195.

²⁶ Dikötter, *Mao's Great Famine*, xii.

в столовой»²⁷. Людей массово наказывали за выражение критики. Согласно отчету из уезда Фэнъян провинции Аньхой, 28 026 человек (более 12 % населения) были приговорены к телесному наказанию или им был сокращен рацион питания; в результате 441 человек умер, а еще 383 получили тяжелые травмы²⁸.

Китайский журналист и историк Ян Цзишэн в предисловии к «Надгробию», своему двухтомному исследованию Великого голода, которое было опубликовано в Гонконге в 2008 г. и запрещено в материковом Китае, вспоминает: «Голод, который предшествовал смерти, был хуже самой смерти. Зерна не было, все дикие травы были съедены, даже кора была содрана с деревьев, а для наполнения желудков использовались птичий помет, крысы и вата. На полях каолиновой глины голодающие люди жевали глину, когда копали ее»²⁹. Нередки были случаи каннибализма. Сначала отчаявшиеся жители деревни ели только трупы животных, но вскоре они начали выкапывать мертвых соседей, чтобы приготовить и съесть. Человеческая плоть продавалась на черном рынке вместе с другими видами мяса³⁰. В исследовании, составленном – и быстро положенным под сукно – после смер-

²⁷ Ibid., x iii.

²⁸ Wemheuer, *Der große Hunger*, 203.

²⁹ Цит. по: Felix Lee, *Macht und Moderne: Chinas großer Reformier Deng Xiaoping – Die Biographie* (Berlin: Rotbuch Verlag, 2014), 80.

³⁰ Dikötter, *Mao's Great Famine*, 320–321.

ти Мао для уезда Фэнъян, «только весной 1960 г. было зарегистрировано шестьдесят три случая каннибализма, включая случай с супружеской парой, которая задушила и съела своего восьмилетнего сына»³¹.

Став жертвой развязанного им террора, руководство Коммунистической партии предпочло принять за чистую монету ложные отчеты о феноменальных урожаях, представленные народными коммунами. Коммуны, представлявшие реальные цифры, получали белые флаги в качестве наказания за недостаток революционного рвения, обвинялись во лжи и подвергались насилию. В предыдущие годы крестьяне действительно подавали ложные отчеты в некоторых случаях в знак протеста против повышения налога на зерно. Теперь же любой, кто утверждал, что ему не хватает еды, считался врагом социалистической революции и агентом капитализма. Простое заявление «я голоден» стало опасным актом восстания³².

Бежать в места, где еще была еда, было запрещено, что привело к ситуации, которая, по словам очевидца, была «хуже, чем во время японской оккупации» (1937–1945): «Даже когда пришли японцы... мы могли убежать. [Теперь же] нас просто заперли, чтобы мы умирали дома. В моей семье было шесть человек, четверо умерли». Партийные кадры также должны были остановить «людей, “ворующих” для себя еду.

³¹ Chang and Halliday, Mao, 533.

³² Wemheuer, Der große Hunger, 169.

Ужасные наказания были широко распространены; некоторых людей хоронили заживо, других душили веревками, третьим отрезали носы. В одной деревне после отчаянной мольбы родителей четверо перепуганных маленьких детей были спасены от погребения заживо за то, что взяли немного еды, только тогда, когда земля была им по пояс. В другой деревне ребенку отрубили четыре пальца за попытку украсть клочок незрелой пищи... Подобные случаи жестокости встречаются практически в каждом рассказе об этом периоде по всей стране»³³.

Согласно официальной правительственной пропаганде, китайская экономика развивалась от силы к силе, постоянно достигая рекордных результатов во всех отраслях и предоставляя убедительные доказательства превосходства социалистической системы. Мао Цзэдун был особенно одержим производством стали как мерилom прогресса социализма, вплоть до того, что запоминал объемы производства стали, достигнутые почти всеми остальными странами, и ставил нереальные цели в попытках превзойти их. В 1957 г. Китай произвел 5,35 млн тонн стали. В январе 1958 г. правительство поставило цель в 6,2 млн тонн, которая была почти удвоена до 12 млн тонн в сентябре того же года³⁴.

В то время китайская сталь в основном производилась в небольших доменных печах (многие из них нормально не ра-

³³ Chang and Halliday, Mao, 531.

³⁴ Dikötter, Mao's Great Famine, 57.

ботали и производили металл, непригодный для использования), которые обслуживались сельскими жителями на задних дворах сельскохозяйственных коммун. Груды железных чушек, которые изготавливались в сельских коммунах и были слишком малы и хрупки, чтобы их можно было использовать на современных прокатных станах, были привычным зрелищем по всему Китаю³⁵.

Это привело к абсурдным сценам по всей стране, когда партийные кадры ходили от двери к двери, чтобы конфисковать домашнее и сельскохозяйственное оборудование. «Сельскохозяйственные инструменты, даже водовозки, были вывезены и переплавлены, как и кухонная утварь, железные дверные ручки и женские заколки для волос. Лозунг режима гласил: “Сдать одну кирку – значит уничтожить одного империалиста, спрятать один гвоздь – значит спрятать одного контрреволюционера”»³⁶.

Любой, кто не проявлял необходимого уровня энтузиазма, подвергался «словесным оскорблениям, толканию, связыванию и выставлению на позор»³⁷. Эксперты, выступавшие за разум и умеренность, подвергались преследованиям. «Тон дискредитации рациональности задал Мао Цзэдун, заявив, что “к знаниям буржуазного профессора следует относиться как к собачьему пуку, ничего не стоящему, заслужи-

³⁵ Ibid., 61.

³⁶ Chang and Halliday, Mao, 526.

³⁷ Dikötter, Mao's Great Famine, 60.

вающему только презрения, насмешки и осуждения”»³⁸.

В конце декабря 1958 г. сам Мао Цзэдун был вынужден признать перед своим окружением, что «лишь 40 % – это хорошая сталь» и вся она поступает со сталелитейных заводов, в то время как дворовые печи произвели 3 млн тонн бесполезной стали – «гигантская растрата ресурсов и рабочей силы, [которая] вызвала дальнейшие потери»³⁹.

Несмотря на то что все больше крестьян призывалось на крупномасштабные проекты по ирригации и производству стали, вместо того чтобы обрабатывать землю, сельскохозяйственные коммуны продолжали сообщать о рекордных урожаях, которые были сильно преувеличены. В сентябре 1958 г. газета Коммунистической партии «Жэньминь жибао» сообщила, что средняя урожайность зерновых в Гуанси составила 65 000 кг на му (660 квадратных метров), тогда как более реалистичной оценкой было бы 500 кг⁴⁰.

Эти завышенные заявления были известны как «спутники». Спутниковые поля, «обычно создаваемые путем пересадки созревших культур с нескольких полей на один искусственный участок»⁴¹, разрастались по всему Китаю. Как следствие, правительство увеличило экспорт зерна с

³⁸ Chang and Halliday, Mao, 526.

³⁹ Ibid., 527.

⁴⁰ Ronald Coase and Ning Wang, *How China Became Capitalist* (New York: Palgrave MacMillan, 2012), 15 <Козз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016. С. 33>.

⁴¹ Chang and Halliday, Mao, 520.

1,93 млн тонн в 1957 г. до 4,16 млн тонн в 1959 г. «В 1959 г., когда Мао Цзэдун объявил, что производство зерна в Китае достигло 375 млн тонн, фактическое производство, вероятно, составляло 170 млн»⁴².

Под давлением настойчивого стремления Коммунистической партии достичь своих экономических целей любой ценой коммуны обещали государству большое количество «излишков зерна». «С раздутыми урожаями появились квоты на закупку, которые были слишком высокими, что привело к дефициту и откровенному голоду»⁴³. Что еще хуже, плановая экономика создала логистический хаос, который, в свою очередь, привел к тому, что значительная часть урожая уничтожалась болезнями, крысами и насекомыми⁴⁴.

Мао Цзэдун попытался решить эту проблему с помощью еще одной масштабной кампании, направленной на избавление Китая от «четырех вредителей»: воробьев, крыс, комаров и мух. Для этого он мобилизовал все население, чтобы размахивать палками и метлами в воздухе и создавать шум, который отпугивал воробьев, пока они не выбивались из сил и не падали с неба. Эта кампания оказалась настолько эффективной, что вредители, размножение которых «когда-то сдерживали воробьи (и другие птицы), теперь процветали, что привело к катастрофическим результатам». Моль-

⁴² Ibid., 15.

⁴³ Dikötter, *Mao's Great Famine*, 128.

⁴⁴ Ibid., 137.

бы ученых о том, что экологический баланс будет нарушен, были проигнорированы. В конце концов китайское правительство направило в советское посольство в Пекине «совершенно секретный» запрос на 200 000 воробьев с советского Дальнего Востока⁴⁵.

Несмотря на усиливающийся голод, китайцы не хотели терять лицо, прося своих российских союзников приостановить экспорт зерна и отложить выплату долгов. Точно так же они были слишком горды, чтобы принять предложения Запада о помощи⁴⁶. Напротив, даже во время самых сильных голодов Китай щедро поставлял, а в некоторых случаях даже дарил пшеницу Албании и другим союзникам. Политика «экспорт превыше всего», принятая в 1960 г., означала, что в разгар голода все провинции были вынуждены передавать государству больше продовольствия, чем когда-либо прежде⁴⁷. Официальная пропаганда режима, рассчитанная на внутреннюю и внешнюю аудиторию, была отчаянной попыткой сохранить видимость, отрицая возможность голода в социалистической системе. Последующие расчеты показали, что изменение политики потенциально могло бы спасти до 26 млн человеческих жизней⁴⁸.

Отчаявшиеся граждане писали письма Мао Цзэдуну и

⁴⁵ Chang and Halliday, Mao, 525.

⁴⁶ Wemheuer, Der große Hunger, 189.

⁴⁷ Dikötter, Mao's Great Famine, 133.

⁴⁸ Wemheuer, Der große Hunger, 193.

главе государства Чжоу Эньлаю, полагая, что они не знают о голоде. Одно из таких писем гласило: «Уважаемые председатель Мао, Чжоу Эньлай и руководители центрального правительства, поздравляю вас с праздником Весны! В 1958 г. наша родина повсеместно совершила Большой скачок... но в восточной части Хэнани, в районах Юйчэн и Сяи, в течение последних шести месяцев жизнь людей была не очень хорошей... Дети голодают, взрослые бедствуют. Они истощены до кожи и костей. Причина – ложные данные о производительности труда. Пожалуйста, прислушайтесь к нашему крику о помощи!»⁴⁹

Партийные чиновники, изучающие ситуацию на местах, столкнулись с ужасными сценами. В уезде Гуаншань они обнаружили выживших, сидящих на корточках среди обломков своих домов и беззвучно плачущих на лютном холоде. По всему Китаю дома были снесены, чтобы обеспечить топливо для доменных печей и удобрения. В Гуаншане четверть населения, составлявшего 500 000 человек, погибла и была похоронена в братских могилах⁵⁰. Нехватка продовольствия усугублялась тем, что от голода умирали миллионы и миллионы животных.

Мао Цзэдун и его товарищи по партии знали о проблемах, но долгое время пытались их оправдать или отрицать. Официальная линия партии заключалась в том, что, как и на вой-

⁴⁹ Цит. по: *ibid.*, 181.

⁵⁰ Dikötter, *Mao's Great Famine*, 117.

не, эти жертвы были необходимым и неизбежным шагом на пути к славному созданию коммунистического общества в ближайшем будущем. Три года жертв были не слишком высокой ценой за 1000 лет жизни в коммунистическом раю. В июле 1959 г. Мао Цзэдун провозгласил: «Ситуация в целом прекрасная. Есть много проблем, но нас ждет светлое будущее!»⁵¹

Он прекрасно понимал, что для того, чтобы это светлое будущее наступило, возможно, придется погибнуть миллионам, заявив советским лидерам во время своего визита в Москву в 1957 г.: «Мы готовы пожертвовать 300 миллионами китайцев ради победы мировой революции»⁵². В ноябре 1958 г., «разговаривая со своим окружением о трудоемких проектах, таких как гидротехнические сооружения и производство “стали” ... Мао сказал: “Работая так, со всеми этими проектами, половине Китая, возможно, придется умереть. Если не половина, то, возможно, одна треть или одна десятая – 50 млн – умрут»⁵³.

Линь Бяо, которого Мао Цзэдун назначил своим преемником за предположительно непоколебимую преданность, придумал популярный лозунг: «Плавание по морю зависит от рулевого. Совершение революции зависит от мысли Мао Цзэдуна». В своем личном дневнике он признался, что счита-

⁵¹ Ibid., 92.

⁵² Цит. по: Chang and Halliday, Mao, 535.

⁵³ Цит. по: ibid., 535.

ет «Большой скачок» «основанным на фантазиях и полной неразберихе»⁵⁴. В конце концов, Мао был вынужден отказаться от «Большого скачка», что, однако, не помешало ему через несколько лет привести в действие другую, столь же катастрофическую политическую программу. Провозглашенная в 1966 г. Культурная революция стала еще более радикальной попыткой преобразования китайского общества, в ходе которой миллионы людей, обвиненных в распространении капиталистических идей или критике «Большого скачка», были приговорены к принудительным работам или пыткам, а сотни тысяч убиты.

Десятки миллионов человеческих жизней, потерянных в результате очередного неудачного социалистического эксперимента, не должны были стать неожиданностью для китайских коммунистов, которые, в конце концов, видели, как в 1930-х годах в СССР разворачивалась катастрофа аналогичного масштаба. Как и в Китае, попытки коллективизации сельскохозяйственного производства привели к гибели миллионов людей от голода. К сожалению, учебники истории полны примеров неудачных социалистических экспериментов, заставляющих коммунистов в других странах мира верить, что их собственные эксперименты – в другой стране и в другую эпоху – обязательно увенчаются успехом.

Экономические последствия правления Мао Цзэдуна были катастрофическими. В 1978 г. доходы двух из трех кре-

⁵⁴ Цит. по: Dikötter, *Mao's Great Famine*, 100.

стьян были ниже, чем в 1950-е годы. У трети крестьян доходы даже упали ниже уровня до японского вторжения. После смерти Мао в 1976 г. его преемники были настроены более прагматично. Почувствовав, что китайскому народу надоели радикальные социалистические эксперименты, непосредственный преемник Мао Цзэдуна, Хуа Гофэн, подготовил почву для человека, которому предстояло сыграть решающую роль в преобразовании Китая, – Дэн Сяопина. Преемники Мао, в частности Дэн, были достаточно умны, чтобы принять близко к сердцу некоторые конфуцианские слова мудрости: «Тремя способами мы можем научиться мудрости: во-первых, размышлением, что благороднее всего; во-вторых, подражанием, что легче всего; и в-третьих, опытом, что горше всего».

Путь Китая к капитализму

Усвоив тяжелый урок, китайцы стали присматриваться к тому, что происходит в других странах. Для ведущих китайских политиков и экономистов 1978 год стал началом напряженного периода зарубежных поездок с целью привезти ценные экономические идеи и применить их у себя дома. Китайские делегации совершили более 20 турне по более чем 50 странам, включая Японию, Таиланд, Малайзию, Сингапур, США, Канаду, Францию, Германию и Швейцарию⁵⁵. В преддверии первого с момента образования Народной Республики визита китайских государственных чиновников в Западную Европу Дэн Сяопин встретился с руководителем делегации Гу Му и несколькими из более чем 20 членов делегации, «попросив их увидеть как можно больше и задать вопросы о том, как принимающие страны управляют своей экономикой»⁵⁶.

Увиденное в Западной Европе произвело огромное впечатление на членов делегации: современные аэропорты, такие как аэропорт имени Шарля де Голля в Париже, автозаводы в Германии и порты с автоматизированными погрузочными устройствами. Они были удивлены, увидев высокий

⁵⁵ Coase and Wang, *How China Became Capitalist*, 32 <Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. С. 58>.

⁵⁶ *Ibid.*, 33 <ср.: Там же. С. 59>.

уровень жизни даже простых рабочих в капиталистических странах⁵⁷.

Дэн Сяопин сам совершил поездку в США и Японию. После посещения завода «Ниссан» в Японии, произведшего на него грандиозное впечатление, он сказал: «Теперь я понимаю, что означает модернизация»⁵⁸. В особенности китайцев впечатлили экономические успехи в других азиатских странах. «Хотя экономический динамизм соседних стран почти не признавался, он рассматривался как пример для подражания. Японская экономика, прошедшая путь от состояния разрухи в 1945 г. до обновления всех мировых рекордов роста с 1950-х годов, создав современное общество потребления, а также конкурентоспособные экспортные отрасли, заставила побледнеть достижения Мао»⁵⁹.

Во время своего визита в Сингапур Дэн Сяопин был особенно впечатлен местной экономикой, которая была гораздо динамичнее китайской. Ли Куан Ю, отец-основатель Сингапура и многолетний премьер-министр, вспоминает: «В 1978 г. в Сингапуре я сказал Дэну за ужином, что мы, сингапурские китайцы, являемся потомками неграмотных безземельных крестьян из Гуандуна и Фуцзяня в Южном Ки-

⁵⁷ Lee, Macht und Moderne, 165.

⁵⁸ Coase and Wang, How China Became Capitalist, 33 <Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. С. 60>.

⁵⁹ Tobias ten Brink, Chinas Kapitalismus: Entstehung, Verlauf, Paradoxien (Frankfurt: Campus Verlag, 2013), 106.

тае... Из того, что сделал Сингапур, нет ничего, что не мог бы сделать Китай, причем сделать лучше. Тогда он промолчал. Когда я прочитал, что он сказал китайскому народу сделать лучше, чем Сингапур, я понял, что он принял вызов, который я исподволь бросил ему тем вечером четырнадцать лет назад»⁶⁰.

Выводы делегаций были широко распространены в Китае, как в Коммунистической партии, так и среди широкой общественности. Например, увидев своими глазами высокий уровень жизни рабочих в Японии, члены делегаций начали понимать, насколько коммунистическая пропаганда о преимуществах социализма по сравнению с бедствиями обнищавшего рабочего класса в капиталистических странах была основана на лжи и фальсификации. Для любого, кто побывал в этих странах, становилось очевидно, что все обстоит с точностью до наоборот. «Чем больше мы видим [мир], тем больше понимаем, как мы отстали», – неоднократно заявлял Дэн Сяопин⁶¹.

Однако вспыхнувший энтузиазм в отношении экономических моделей других стран не привел к мгновенному переходу к капитализму, равно как и Китай не отказался от плановой экономики в пользу экономики свободного рынка. Вместо этого происходил медленный процесс перехода,

⁶⁰ Coase and Wang, *How China Became Capitalist*, 34 <ср.: Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. С. 60>.

⁶¹ Lee, *Macht und Moderne*, 159.

начавшийся с предварительных попыток предоставить государственным предприятиям бóльшую автономию, который занял годы и даже десятилетия и опирался как на инициативы снизу, так и на реформы, проводимые сверху, под руководством партии.

После провала «Большого скачка» крестьяне во все большем числе деревень начали обходить официальный запрет на частное фермерство. Поскольку они быстро смогли добиться гораздо больших объемов производства, партийные кадры разрешили им продолжать. Первоначально эти эксперименты были ограничены самыми бедными деревнями, где почти любой результат был бы лучше, чем статус-кво. В одной из таких деревень, «широко известной в регионе как “деревня попрошак”», кадры «решили выделить крестьянским хозяйствам в двух производственных бригадах малопродуктивные земли, а на остальных территориях продолжать придерживаться коллективного хозяйствования. В тот год частные хозяйства собрали с малопродуктивных земель в три раза больше, чем колхозники с плодородных. На следующий год площадь земли, отданной под частное фермерство, и количество производственных бригад, получивших участки, выросло»⁶².

Задолго до того, как в 1982 г. был снят официальный запрет на частное фермерство, по всему Китаю возникли иници-

⁶² Coase and Wang, *How China Became Capitalist*, 46, 47 <Козз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. С. 78>.

циативы крестьян по восстановлению частной собственности вопреки социалистической доктрине⁶³. Результат оказался в высшей степени успешным: люди больше не голодали, а производительность сельского хозяйства быстро росла. К 1983 г. процесс деколлективизации китайского сельского хозяйства был практически завершен. Великий социалистический эксперимент Мао Цзэдуна, стоивший стольких миллионов жизней, был завершен.

Экономические преобразования в Китае отнюдь не ограничивались сельским хозяйством. По всей стране многие муниципальные предприятия все чаще работали как частные, хотя формально они все еще находились в государственной собственности. Освобожденные от ограничений плановой экономики, эти компании нередко превосходили своих менее проворных государственных конкурентов. В период с 1978 по 1996 г. общее число работников, занятых в этих компаниях, выросло с 28 до 135 млн человек, а их доля в экономике Китая увеличилась с 6 до 26 %⁶⁴.

В 1980-х годах выросло число предприятий, находившихся в коллективной собственности (КСП), и поселковых и сельских предприятий (ПСП) – фактически частных компаний под видом коллективных предприятий⁶⁵. Юридически принадлежавшие муниципальным властям, они размывали

⁶³ Ibid., 49 <Там же. С. 81>.

⁶⁴ Ibid., 54 <Там же. С. 89>.

⁶⁵ Ten Brink, *Chinas Kapitalismus*, 118.

различия между государственной и частной собственностью.

Соответственно, немецкий политолог и китаевед Тобиас тен Бринк утверждает, что «фактический контроль» над доступом к конкретным ресурсам важнее формального владения⁶⁶. В своем анализе китайского капитализма тен Бринк проводит различие между формальным юридическим статусом и фактической экономической функцией⁶⁷. Однако в ходе последующей волны приватизации в Китае эти КСП стали значительно менее значимыми по сравнению с подлинно частными предприятиями.

Первоначально рост частной собственности в Китае был обусловлен увеличением числа мелких предпринимателей, открывающих предприятия, на которых могли работать не более семи человек. При Мао Цзэдуне Китай, как и другие социалистические страны, мог похвастаться официальным нулевым уровнем безработицы. «Решения» по предотвращению безработицы включали переселение миллионов молодых людей из городов в сельскую местность для «перевоспитания». В 1980-е годы все больше людей стали пользоваться возможностью открыть малый бизнес.

Поначалу они страдали от трудностей и дискриминации. Родители не разрешали своим дочерям выходить замуж за тех, кто владел или работал в одном из этих малых предприятий, потому что их экономические перспективы считались

⁶⁶ Ibid., 84.

⁶⁷ Ibid., 170.

неопределенными. Любой владелец предприятия, нанявший более семи человек, считался капиталистическим эксплуататором и, следовательно, нарушителем закона. «Чтобы обойти подобные препоны, многие государственные компании были вынуждены “надеть красную шапочку” – т. е. аффилироваться с волостными или поселковыми органами власти, тем самым превращаясь в волостные и сельские предприятия, а в городах – с уличными комитетами и другими органами местного самоуправления, становясь коллективным предприятием»⁶⁸.

В конце концов все больше и больше людей понимали, что ведение бизнеса в качестве индивидуального предпринимателя дает значительные финансовые преимущества, а также большую степень свободы. Во многих случаях самозанятые парикмахеры зарабатывали больше, чем хирурги в государственных больницах, уличные торговцы – больше, чем ученые-ядерщики. Число самозанятых домашних предприятий и индивидуальных предпринимателей выросло со 140 000 в 1978 г. до 2,6 млн в 1981 г.⁶⁹

Однако сторонники социализма отказались сдаваться так просто, и в 1982 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял «Резолюцию о решительной борьбе с серьезными экономическими преступ-

⁶⁸ Coase and Wang, *How China Became Capitalist*, 58 <ср.: Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. С. 95>.

⁶⁹ *Ibid.*, 68 <Там же. С. 109>.

лениями», в соответствии с которой к концу года было арестовано более 30 000 человек⁷⁰. Во многих случаях их единственным преступлением было получение прибыли или найм на работу более семи человек.

Эрозию социалистической системы, допускавшей исключительно общественную собственность под управлением государственного органа экономического планирования, ускорило создание специальных экономических районов. Это были районы, где действие законов социалистической экономической системы было приостановлено и разрешены капиталистические эксперименты. Первая специальная экономическая зона была создана в Шэньчжэне, районе, прилегающем к капиталистическому Гонконгу, который в то время еще был колонией британской короны. Как и в Германии, где все больше людей бежало с Востока на Запад до строительства Берлинской стены (см. главу 3), многие китайцы пытались уехать из Народной Республики в Гонконг. Главным каналом этой нелегальной эмиграции был район Шэньчжэнь в провинции Гуандун.

Год за годом тысячи людей рисковали жизнью, пытаясь пересечь усиленно охраняемую границу из социалистического Китая в капиталистический Гонконг. Большинство либо задерживались пограничными патрулями, либо тонули при попытке переплыть морскую границу. Лагерь для интернированных, расположенный недалеко от границы, где со-

⁷⁰ Ibid., 75–78 <Там же. С. 120–124>.

держались захваченные китайцами, был безнадежно переполнен.

Как и в Германской Демократической Республике, любого, кто пытался бежать из коммунистического Китая, объявляли врагом народа и предателем социализма. Однако Дэн Сяопин был достаточно умен, чтобы понять, что военное вмешательство и ужесточение пограничного контроля не решат главной проблемы.

Изучив ситуацию более детально, партийное руководство провинции Гуандун обнаружило, что беженцы из материкового Китая живут в деревне, которую они основали на противоположном берегу реки Шэньчжэнь на территории Гонконга, где они зарабатывают в 100 раз больше, чем их бывшие соотечественники на социалистической стороне⁷¹.

В ответ Дэн Сяопин заявил, что для того, чтобы остановить этот поток, Китаю необходимо повысить уровень жизни⁷². Шэньчжэнь, тогда район с населением менее 30 000 человек, стал местом проведения первого в Китае эксперимента по созданию свободного рынка, который был осуществлен партийными кадрами, побывавшими в Гонконге и Сингапуре и на собственном опыте убедившимися в том, что капитализм работает гораздо лучше социализма.

Из места, где многие подвергали свою жизнь риску, чтобы покинуть страну, сегодня эта бывшая рыбацкая деревня

⁷¹ Ibid., 60 <ср.: Там же. С. 98>.

⁷² Lee, *Macht und Moderne*, 188–189.

превратилась в процветающий мегаполис с населением почти 12 млн человек и более высоким доходом на душу населения, чем в любом другом китайском городе, за исключением Гонконга и Макао. Основу местной экономики составляют электронная и телекоммуникационная промышленность. Всего через несколько лет после начала капиталистического эксперимента городскому совету Шэньчжэня пришлось построить забор из колючей проволоки вокруг Особой экономической зоны, чтобы справиться с наплывом мигрантов из других регионов Китая⁷³.

Вскоре другие регионы последовали этому примеру и попробовали модель Особой экономической зоны⁷⁴. Низкие налоги, низкие ставки аренды земли и упрощенные бюрократические требования сделали эти особые экономические зоны чрезвычайно привлекательными для иностранных инвесторов. Их экономика была менее жестко регулируемой и более ориентированной на рынок, чем экономика многих современных европейских стран. После реформы 2003 г. в Китае насчитывалось около 200 контролируемых правительством зон национального экономического и технологического развития, простирающихся далеко вглубь страны, а также до 2000 зон развития под региональным или местным контролем, которые не контролировались напрямую центральным правительством. «Со временем границы между специ-

⁷³ Ibid., 191.

⁷⁴ Ten Brink, *Chinas Kapitalismus*, 177.

альными зонами и остальной экономикой все больше размывались»⁷⁵.

Тем не менее экономические реформы были половинчатыми. С частными предприятиями различных видов и специальными экономическими зонами продолжали сосуществовать государственные предприятия социалистической плановой экономики. В капиталистической экономике предприниматели инвестируют, ориентируясь на колебания цен, тогда как в социалистической экономике цены устанавливаются государственные служащие плановых органов. В Китае сосуществование обеих моделей привело к хаотичной ситуации с ценами. В конце 1980-х годов темпы инфляции стремительно росли: индекс роста цен взлетел с 9,5 % в январе 1988 г. до 38,6 % в августе того же года⁷⁶.

Сторонники реформ восприняли это как свидетельство того, что предпринятые до сих пор меры не были достаточно масштабными, в то время как их критики придерживались мнения, что проблемы были вызваны отказом от социалистических принципов. Политические потрясения, кульминацией которых стало жестокое подавление студенческой демонстрации в Пекине в июне 1989 г., приведшее, по оценкам «Международной Амнистии», к гибели нескольких со-

⁷⁵ Ibid., 178.

⁷⁶ Coase and Wang, *How China Became Capitalist*, 92 <Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. С. 145>.

тен или даже тысяч человек⁷⁷, только усугубили ситуацию – как и события, приведшие к краху коммунистических режимов в СССР и во всей социалистической Восточной Европе. Коммунистическое руководство Китая опасалось подобной потери власти.

На этом фоне сторонники более далеко идущих реформ с трудом отбивались от обвинений в том, что они пытаются отменить социализм и превратить Китай в капиталистическую страну. Хотя Дэн Сяопин в то время не занимал никакой государственной должности, он решил вмешаться. Интервью, которые он дал во время визита в Шэньчжэнь и Шанхай, привлекли большое внимание по всему Китаю. Он провел пять дней в Шэньчжэне и выразил удивление масштабами преобразований в регионе с момента своего последнего визита в 1984 г. Его впечатлили великолепные бульвары, роскошные высотные здания, оживленные торговые улицы и, казалось, бесконечное количество фабрик. Люди были одеты в модную одежду и являлись гордыми обладателями дорогих часов и других предметов роскоши. Их доходы были в три раза выше, чем в остальной части Китая⁷⁸. «Южное турне» Дэн Сяопина вошло в историю, а его открытая критика тех, кто выступал против дальнейших реформ, занимала видное

⁷⁷ Amnesty International, China: The Massacre of June 1989 and Its Aftermath, accessed 20 June 2018, <https://www.amnesty.org/download/Documents/200000/asa170091990en.pdf>, 5.

⁷⁸ Lee, Macht und Moderne, 256.

место в китайских СМИ. 21 февраля 1992 г., за день до того, как Дэн должен был вернуться в Пекин, газета «Жэньминь жибао» опубликовала вызвавшую много споров статью под заголовком «Смелее в реформах»⁷⁹.

Хотя Дэн Сяопин и его коллеги – сторонники рыночных реформ продолжали на словах поддерживать социализм, они дали новое определение этому термину, чтобы он означал нечто совсем не похожее на контролируруемую государством плановую экономику. Для них социализм был «открытой системой, которая должна “использовать достижения всех культур и учиться у других стран – в том числе развитых капиталистических...”»⁸⁰.

В отличие от политических лидеров СССР и других бывших стран Восточного блока, где после краха социализма марксистская идеология подвергалась жесткой критике, Дэн Сяопин и его коллеги-реформаторы в Китае не осуждали марксизм. Однако их версия марксизма не имела ничего общего с теориями, первоначально сформулированными Карлом Марксом: «Суть марксизма в том, чтобы искать истину на основе фактов. Вот за что мы должны выступать, а не за поклонение книгам. Реформа и политика открытости успешны не потому, что мы полагались на книги, а потому, что мы опирались на практику и искали истину в фактах... Практи-

⁷⁹ Ibid., 258.

⁸⁰ Цит. по: Coase and Wang, How China Became Capitalist, 117 <Козз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. С. 179>.

ка – единственный критерий истины»⁸¹.

Реформаторы все чаще одерживали победу. Число частных предприятий резко возросло с 237 000 в 1993 г. до 432 000 в следующем году. Капиталовложения в частные предприятия в период с 1992 по 1995 г. увеличились в 20 раз. Только в 1992 г. 120 000 государственных служащих уволились с работы, а 10 млн взяли неоплачиваемый отпуск для создания частных предприятий. Их примеру последовали миллионы университетских профессоров, инженеров и выпускников. Даже газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью под заголовком «Хочешь разбогатеть – займись делом!»⁸².

Важной вехой на пути к капитализму стало официальное провозглашение рыночной экономики на XIV съезде Коммунистической партии Китая в октябре 1992 г. – шаг, который был бы немислим всего за несколько лет до этого. Реформы продолжали набирать обороты. Хотя партия не стала полностью отказываться от экономического планирования, список устанавливаемых государством цен на сырье, транспортные услуги и инвестиционные товары был сокращен с 737 до 89, а в 2001 г. последовало дальнейшее сокращение до 13. Процент промежуточных товаров (т. е. товаров, которые производятся в процессе производства, но затем исполь-

⁸¹ Цит. по: *ibid.*, 120–121 <Там же. С. 85>.

⁸² Coase and Wang, *How China Became Capitalist*, 123 <Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. С. 188>.

зуются в производстве других товаров), реализуемых по рыночным ценам, вырос с 0 % в 1978 г. до 46 % в 1991 г. и до 78 % в 1995 г.⁸³

Параллельно предпринимались попытки реформировать государственные предприятия. Многие из них, ранее находившиеся в государственной собственности, теперь частично принадлежали частным лицам и иностранным инвесторам. Их работники потеряли гарантию пожизненного найма, хотя и получили единовременную выплату в качестве компенсации. Правительство также ввело пособия по социальному страхованию.

Изначально реформаторы надеялись повысить эффективность государственных предприятий, внедрив схемы оплаты труда высших руководителей и сотрудников в зависимости от результатов работы. Они также привлекли профессионалов для замены высокопоставленных кадров, которые отвечали за процессы принятия решений⁸⁴

⁸³ Ibid., 124 <ср.: Там же. С. 190>.

⁸⁴ Ten Brink, Chinas Kapitalismus, 123.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.